

УДК 811.11

Ю.А. Ейкалис*

**ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОМИКСОВ**

В статье рассматриваются особенности реализации основных типов речевых актов в современном немецкоязычном комиксе, анализируется количественное соотношение видов речевых актов внутри комиксов разных жанров, выявляются возможные причины преобладания того или иного типа речевых актов.

Ключевые слова: теория речевых актов, современный немецкоязычный комикс, иллокутивный акт, лингвопрагматический анализ, лингвопрагматика.

Важной частью лингвистической прагматики является теория речевых актов, возникшая в русле аналитической философии XX в. Исходные идеи этой философской традиции, объединяющей несколько направлений – логический позитивизм, теорию речевых актов, философию лингвистического анализа – сформулировал Г. Фреге, а впоследствии они были развиты Б. Расселом и Дж.Э. Муром. Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн в ранних своих работах, усматривая в структуре языка непосредственную связь со структурой окружающего мира, видят в нем «проективное изображение реальности» [2, с. 11]. В это изображение включены «простые символы», основную функцию которых можно свести к референции – указанию на объект. Предложения, содержащие простые символы, могут быть истинными или ложными, и критерием их истинности служит их соответствие действительности. Идеи Л. Витгенштейна, позднее отказавшегося от создания т. н. идеального языка, «философия здравого смысла» Дж. Э. Мура, стали основой лингвистической философии, объектом изучения которой становится язык повседневности.

Большой вклад в развитие теории речевых актов внес Дж. Остин, оспоровший тезис о том, что предложение может либо описывать положение вещей, либо утверждать нечто о каком-то факте [4, с. 23–24], а также суждение об истинности/ложности предложения. Он выделяет ряд глаголов, которые в форме 1-ого лица ед. числа активной изъявительной конструкции «ничего не описывают» и «ничего не сообщают», а также не удовлетворяют критериям истинности или ложности: «употребление этих предложений является частью поступков или действий, которые в обычных случаях не описываются как говорение о чем-либо»: примерами подобных употреблений могут служить предложения «объявляю войну» и «завещаю наручные часы моему брату». Понятия истинности/ложности предложения он заменяет понятием успешности/неуспешности: так, если в результате речевого акта «объявляю войну» война действительно началась, речевой акт можно считать успешным [4, с. 26].

Говоря о соотношении понятий «предложение», «высказывание», «речевой акт», отметим, что предложение не тождественно речевому акту ни по форме, ни по объему: так речевой акт может состоять из нескольких речевых высказываний (например,

---

* © Ейкалис Ю.А., 2015

Ейкалис Юлия Аркадьевна (juliaey@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

клятва, молитва) [1, с. 11]. Е.В. Падучева, ссылаясь на М.М. Бахтина, критикует лингвистический подход к изучению высказывания/речевого акта за его неполноту: «с одной стороны, во многих случаях вместо предложения рассматривают высказывание, т. е. предложение в контексте своего речевого акта, поскольку говорится, например, о соотношении предложения с действительностью; а с другой стороны, это делают неявно, т. е. переход от предложения к высказыванию никак не отмечается, и вместо того, чтобы рассматривать речевой акт во всей его полноте, т. е. с его автором, речевыми намерениями автора, адресатом и т. д., ограничиваются крайне упрощенным и урезанным представлением о речевом акте» [8, с. 29]. Таким образом, предложение представляет собой некую структуру, могущую существовать вне текста, высказывание является предложением, рассматриваемом в тексте, а речевой акт — высказыванием, помещенным в некую коммуникативную ситуацию, сопровождаемое коммуникативным намерением говорящего.

Дж. Остин ввел также понятия перформативного и констатирующего высказываний: высказывания, являющиеся исполнением некоторого действия, имеющее интенцию, и дескриптивного высказывания, которое может быть истинным или ложным [4, с. 30]. Следующим шагом после классификации речевых актов по виду употребления предложения — разделение актов на локутивные, иллюкутивные, перлокутивные, границы между которыми трудно назвать четкими — была разработка классификации иллюкутивных актов, среди которых были выделены вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы. Такая классификация являлась, по мнению ее автора, производной от классификации перформативных глаголов, которые в форме 1-го лица ед. ч. настоящего времени действительного залога становятся ядерными элементами перформативных высказываний.

Эта таксономия Дж. Остина была подвергнута критике и доработана Дж. Серлем, который, опираясь на 12 базовых лингвистических параметров, наиболее существенными из которых он называет иллюкутивную цель, направление приспособления и выраженное психологическое состояние, выделил типы иллюкутивных речевых актов: репрезентативы (ассертивы) — сообщения о существующем положении дел и/или его оценка, директивы — побуждения адресата к некоторым действиям, комиссивы — сообщение о принятых обязательствах, экспрессивы — выражение психического состояния по отношению к положению вещей, декларативы — внесение полномочным лицом изменения в статус означенного объекта [5, с. 180–187].

Классификация речевых актов дискуссионна в лингвистической прагматике. Попытки классификации речевых актов были предприняты отечественными и зарубежными лингвистами (Д. Вундерлих, К. Бах, Дж.Н. Лич, Г.Г. Почепцов, В.В. Богданов, Н.И. Формановская), но классификация Дж. Серля остается для многих исследователей классической. Большинство из этих классификаций не дает четкого разбиения перформативов на непересекающиеся классы, однако это не является доказательством несостоятельности теории, а обусловлено «спецификой языковой реальности, которая не приемлет жесткого схематизма» [3, с. 48].

Дж. Серль дифференцирует прямые и косвенные речевые акты: «... как всегда обстоит дело в случае косвенных речевых актов, он <говорящий> имеет в виду не только то, что он говорит, но и нечто большее. В случае косвенных речевых актов присоединяется не некое добавочное или новое значение *предложения*, но дополнительное значение, привносимое *говорящим*» [6, с. 207–208]. Важным для нашего анализа представляется то, что в широком смысле в качестве косвенных актов рассматриваются также невербальные коммуникативные акты, истинная цель которых не выражена эксплицитно: комикс как синтетический жанр помещает речевые акты в невербальный контекст, в результате чего читатель получает возможность верно интерпретировать данный речевой акт.

С точки зрения теории речевых актов, комикс обладает определенной спецификой фигуры адресата: каждое высказывание имеет и прямого адресата (действующее лицо в комиксе), и суперадресата, адресата-наблюдателя (термин И.М. Кобозевой) (читатель комикса). Мы полагаем, что наличие двух адресатов и, вероятно, двух различных коммуникативных намерений пишущего, может быть обусловлен ряд особенностей комикса. В качестве предмета исследования нами выбраны речевые акты (объем – 5262 р.а.) в современных немецкоязычных комиксах: графические романы и комиксы «Kommissar Eisele» (вып. 3), «Kommissar Fröhlich» (вып. 8), «Hempels Sofa», «Kinderland», «Jesus total», «Faust», «Schalke – Helden von ganz unten 1904–1945» общим объемом 802 стр.

Лингвопрагматический анализ комиксов с применением классификации Дж. Серля, выявил результаты, представленные в табл. 1–2.

Таблица 1

**Соотношение видов иллокутивных речевых актов
в современных немецкоязычных комиксах**

	количество РА	% РА
Kommissar Fröhlich		
Репрезентативы	117	52 %
Директивы	62	27,6 %
Комиссивы	7	3,1 %
Экспрессивы	39	17,3 %
Декларативы	0	0
Общее количество РА	225	100 %
Kommissar Eisele		
Репрезентативы	280	64,4 %
Директивы	120	27,6 %
Комиссивы	4	0,9 %
Экспрессивы	31	7,1 %
Декларативы	0	0,0 %
Общее количество РА	435	100 %
Hempels Sofa		
Репрезентативы	679	55,0 %
Директивы	350	28,3 %
Комиссивы	40	3,2 %
Экспрессивы	166	13,4 %
Декларативы	0	0,0 %
Общее количество РА	1 235	100 %
Kinderland		
Репрезентативы	577	42,4 %
Директивы	532	39,1 %
Комиссивы	14	1,0 %
Экспрессивы	229	16,8 %
Декларативы	10	0,7 %
Общее количество РА	1 362	100 %

Окончание табл. 1

Faust		
Репрезентативы	407	48,5 %
Директивы	312	37,1 %
Комиссивы	17	2,0 %
Экспрессивы	101	12,0 %
Декларативы	3	0,4 %
Общее количество РА	840	100 %
Jesus total		
Репрезентативы	262	53,4 %
Директивы	163	33,2 %
Комиссивы	7	1,4 %
Экспрессивы	56	11,4 %
Декларативы	3	0,6 %
Общее количество РА	491	100 %
	количество РА	% РА
Schalke – Helden von ganz unten 1904–1945		
Репрезентативы	240	50,7 %
Директивы	143	30,2 %
Комиссивы	16	3,4 %
Экспрессивы	73	15,4 %
Декларативы	1	0,2 %
Общее количество РА	473	100 %

Подавляющее большинство иллокутивных речевых актов в современном немецко-язычном комиксе представлено репрезентативами (в среднем ок. 50 %), что может быть обусловлено нарративностью графического романа и наличием в комиксе адресата-наблюдателя: читатель в первую очередь должен быть *проинформирован* об основных событиях в повествовании. Второй по численности категорией РА являются директивы, что детерминировано, с одной стороны, диалогизированной структурой комикса (зачастую комикс вовсе не содержит вербального текста вне филактера) и его динамичностью, отчасти подразумевающую большое количество вопросов в диалогах. Третья наиболее крупная группа видов РА представлена экспрессивами, что, вероятно, определяется, с одной стороны, высокой информационной насыщенностью комикса, с другой – претензией комикса на вид визуального искусства, попыткой создать некоторый речевой портрет персонажа и показать читателю его эмоциональное состояние.

Упоминания заслуживают риторический вопрос и переспрос в комиксе-детективе: по Дж. Серлю, вопрос относится к категории директивов, т.к. коммуникативное намерение говорящего – вынудить адресата ответить на поставленный вопрос [5, с. 182]. Однако детективный комикс содержит большое количество вопросов-переспросов, направленных не столько на адресата, сколько на суперадресата – читатель должен либо разделить удивление персонажа комикса (в таком случае это скорее экспрессив), либо заострить свое внимание на некоторой детали повествования (мы полагаем, что в таких случаях этот РА является репрезентативом). В некоторых случаях в форме вопроса выражается догадка героя, и тогда этот РА был отнесен нами к классу репрезентативов – в данном случае некий факт скорее постулируется, чем запрашивается.

ется. В недетективном комиксе также наблюдаются переспросы, однако зачастую они имеют функции экспрессива: “WOS?!” (HS, S. 54).

Наличие предыдущего повествования с одной стороны и визуального компонента с другой создает контекст, что делает возможным декодирование суперадресатом и косвенных речевых актов. Так, высказывание “Was geht Sie das an? Das ist meine Privatsache!” (KEis, S. 20) необходимо не для того, чтобы проинформировать действующих лиц и читателя, а является директивом, направленным на одного из персонажей, и означает: «Не лезьте не в свое дело!» (рис. 1), а высказывание “Essen is ferdich!” (HS, S. 6) означает, что главный герой комикса «Hempels Sofa» должен пойти пообедать (рис. 2).

Рис. 1. Косвенный речевой акт

Рис. 2. Косвенный речевой акт

Кроме того, промежуточное положение занимают звукоподражания, междометия и инфлективы, часто становящиеся в комиксах самостоятельными речевыми актами. Так, междометие «Heu!» является директивом и означает «не трогайте меня!», а полисемичные междометия “oh”, “ah” или, например, инфлексив *seufz*, говорят о психологическом состоянии героя. Наличие таких единиц отчасти обусловлено наличием в комиксе суперадресата, который должен верно декодировать заложенную в визуальном и речевом контексте информацию. Особенно актуально это для сцен, представленных преимущественно невербаликой: так, читатель видит на изображении испуганного подростка, а „knirsch“ (скрип его зубов) служит своего рода подсказкой для реципиента.

Интересным представляется факт, что среди инфлективов встречаются как являющиеся коммуникативными актами высказывания, так и не являющиеся ими, призванными лишь «озвучить» комикс: ср. *seufz* и *grunz*. В форме инфлектива также предстает полноценный речевой акт: *sichaufeinmalproblemlosaufschließlass* (F, S. 30), однако в данном случае выбор языковой формы обусловлен экспрессивной функцией комикса и является скорее выбором формы эстетической (данный текст мог быть расположен в филактере или т. н. «мыслительном пузыре»), чем коммуникативной.

Примечательно, что по количественному соотношению речевых актов различных видов графический роман «Kinderland» художника М. Витцеля заметно отличается от других комиксов. Количество репрезентативов в нем практически равно количеству директивов, которые в других комиксах были представлены меньше. Витцель, стремясь к правдоподобию („Mawils Begabung für stimmige Dialoge, reale Situationen, berührende Selbstironie und lebendige Zeichnungen ist unwiderstehlich“ [9]), подробно воспроизводит коммуникацию подростков в непринужденной обстановке, которая

изобилует разнообразными императивами – от просьб (Hört auf, euch zu streiten!) до грубых требований (Könnt ihr mal alle nicht die Klappe halten?) (KL, S. 130–129), в обстановке формального и неформального общения с педагогами, родителями.

В данном комиксе, как ни в одном из рассмотренных, отмечается наличие декларативов. Исходя, очевидно, отчасти из миметического принципа, отчасти из требований жанра (повествование должно быть достаточно напряженным и захватывающим) автор графического романа позволяет своим героям приносить клятвы, подкреплять слова «честным пионерским словом» и т. д.

Похожие показатели обнаружил комикс-пародия «Faust» – действие трагедии И.В. фон Гёте перенесено в современность, что во многом обусловило и языковые особенности повествования. Высокие элементы трагедии переносятся в повседневность, «пролог на небесах» становится прологом в оживленном офисе, Фауст работает таксистом, а Маргарита – продавцом в магазине, где продаются экологически чистые продукты. Игра с портретами персонажей (изменение их пола, возраста, национальности, профессии), призванная открыть новые смыслы и грани классического произведения, детерминирует и изменения их речевых портретов. Значительное количество директивов в данном случае можно объяснить как динамичностью, диалогичностью комикса как жанра, так и снижением стиля диалогов и попыткой художника придать системе персонажей иерархичность: в диалогах Господа и Мефистофеля, Мефистофеля и Фауста, Фауста и Вагнера преобладают директивы.

Интересно графическое оформление некоторых речевых актов в комиксах «Faust» и «Kinderland»: знаки в филактерах, лишённые именного компонента семантики, не лишены оценочного компонента. В данной сцене набор знаков, который едва ли представляется возможным декодировать в осмысленные языковые знаки, тем не менее образуют речевой акт-экспрессив (рис. 3).

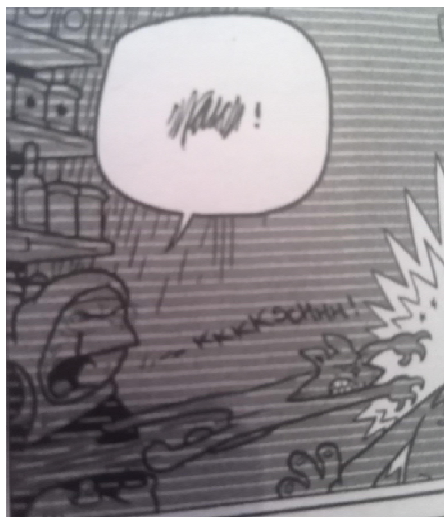

Рис. 3. Речевой акт-экспрессив

Аналогичные результаты дал анализ комикса В. Мерса «Jesus total». В попытке эпатировать читателя пренебрежением к религиозным ценностям и табу В. Мерс пересказывает историю от Рождества до Распятия, пересказывая текст Священного писания, но включая в текст цитаты и библеизмы, максимально упрощая речь библейских персонажей, лишает ее религиозной глубины не только низводя диалоги до сугубо бытового уровня, но и включая в них обценные реплики.

Комикс «Schalke – Helden von ganz unten 1904–1945» представляет собой сборник графических новелл, посвященных становлению футбольного клуба Schalke 04. Наиболее значительными группами речевых актов являются здесь репрезентативы и директивы. Как в комиксе «Kinderland», в «Schalke – Helden von ganz unten 1904–1945» воспроизводится не только напря-

женная обстановка футбольного матча, но и ситуация неформального общения горнорабочих и их ближайшего окружения, что объясняет значительное количество директивов: «Also, wat stehse hier rum – ab aufn Platz» (Sch, S. 17), «Nimm dös!» (Sch, S. 39), «Macht sie fertig» (Sch, S. 27), «He! Du Bengel, komm da runter!» (Sch, S. 26), „Du da! Bleib sofort stehen!“ (Sch, S. 26), „Ey! Lasstn sofort los!“ (Sch, S. 32) и т. п.

Таблица 2

Среднее количество РА в современном немецкоязычном комиксе

Репрезентативы	2 562	50,6 %
Директивы	1 682	33,2 %
Комиссивы	105	2,1 %
Экспрессивы	695	13,7 %
Декларативы	17	0,3 %
Общее количество РА	5 061	100 %

Подводя итог, отметим, что в современном немецкоязычном комиксе из основных видов РА по классификации Дж. Серля преобладают репрезентативы (50 %), директивы (33 %) и экспрессивы (14 %). Значительное количество репрезентативов в текстах детерминировано необходимостью проинформировать читателя о событиях в повествовании, директивов – миметическим принципом и требованием жанра (повествование в комиксе должно быть захватывающим), экспрессивов – претензией комикса на вид визуального искусства, попыткой создать некоторый речевой портрет персонажа и показать читателю его эмоциональное состояние. Визуальный компонент комикса и наличие контекста позволяет читателю декодировать и верно интерпретировать косвенные речевые акты, а наличие суперадресата и жанровая принадлежность комикса обуславливают некоторые особенности его языкового оформления. Звукоподражания, междометия, инфлективы в комиксе могут являться коммуникативными актами и не являться ими, служа лишь для реализации категории звука в комиксе.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 3. С. 5–13.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1–73.
3. Гонгало Е.Ф. Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля: материалы V Межд. науч. конф. Гродно, 2011. С. 45–49.
4. Дж. Л. Остин. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22–131.
5. Дж. Р. Серль. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170–194.
6. Дж. Р. Серль. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 195–222.
7. Дж. Р. Серль. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151–169.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений: монография / отв. ред. В.А. Успенский. 6-е изд., испр. М., 2010. 296 с.
9. Gasser Christian. Der deutsche Comic-Zeichner Markus «Mawil» Witzel. Das Erzählen genießen / Neue Zürcher Zeitung. URL: <http://www.nzz.ch/articleCU7SS-1.158587> (дата обращения: 22.07.2015).

References

1. Alefirenko N.F. Discourse as meaning-formative category (discourse and secondary sign-forming). *Iazyk. Tekst. Diskurs: mezhvuz. nauch. al'manakh*. [Language. Text. Discourse. Interuniversity scientific almanac], Issue 3. Stavropol: Izd-vo PGLU, 2005, pp. 5–13 [in Russian].
2. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Translated by M.S. Kozlova and Ju.A. Aseev in *L. Wittgenstein. Philosophical works*. M., Gnozis, 1994, *part I*, pp. 1–73 [in Russian].
3. Gongalo E.F. John Austin's and John Searle's theory of speech acts: *materialy V Mezhd. nauchnoi konf.* [Proceedings of the V International Scientific Conference]. Grodno, 2011, p. 45–49 [in Russian].
4. Austin L.A. How to Do Things With Words. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. M., 1986, Issue 17. pp. 22–131 [in Russian].
5. John R. Searle. Classification of illocutionary acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. M., 1986, Issue 17. pp. 170–194 [in Russian].
6. John R. Searle. Indirect speech acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. M., 1986, Issue 17. p. 195–222 [in Russian].
7. John R. Searle. What is a speech act? *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. M., 1986, Issue 17. pp. 151–169 [in Russian].
8. Paducheva E.V. Statement and its relation to reality: referential aspects of semantics of pronouns: monograph. V.A. Uspensky (Ed.). 6th ed., revised. M., 2010, 296 p. [in Russian].
9. Gasser Christian. Der deutsche Comic-Zeichner Markus «Mawil» Witzel. Das Erzählen genießen. *Neue Zürcher Zeitung*. Retrieved from: <http://www.nzz.ch/articleCU7SS-1.158587> (accessed: 22.07.2015) [in German].

Источники фактического материала и принятые сокращения

1. König R. *Hempels Sofa*. Hamburg, 2009. 148 S. (HS).
2. Frei M. *Kommissar Eisele: die Wilhelma-Falle*. Esslingen, 2012. S. 77. (KEis).
3. Flix. *Faust: der Tragödie erster Teil*. Hamburg, 2010. 95 S.
4. Moers W. *Jesus total. Die wahre Geschichte*. München, 2013. S. 88.
5. Vogt M. *Schalke 04. Helden von ganz unten. 1904–1945*. Dorsten, 2008. 48 S. (Sch).
6. Witzel M. *Kinderland*. Hamburg, 2014. 294 S. (KL).
7. Hagenow S. *Kommissar Fröhlich. Schwarze Maske*. 52 S.

Sources of facts and accepted abbreviations

1. König R. *Hempels Sofa*. Hamburg, 2009, 148 p. [in German] (HS).
2. Frei M. *Kommissar Eisele: die Wilhelma-Falle*. Esslingen, 2012, 77 p. [in German] (KEis).
3. Flix. *Faust: der Tragödie erster Teil*. Hamburg, 2010, 95 p. [in German].
4. Moers W. *Jesus total. Die wahre Geschichte*. München, 2013, p. 88 [in German].
5. Vogt M. *Schalke 04. Helden von ganz unten. 1904–1945*. Dorsten, 2008, 48 p. [in German] (Sch).
6. Witzel M. *Kinderland*. Hamburg, 2014, 294 p. [in German] (KL).
7. Hagenow S. *Kommissar Fröhlich. Schwarze Maske*. 52 p. [in German].

Yu.A. Eykalis*

**THEORY OF SPEECH ACTS AND LINGUOPRAGMATIC ANALYSIS
OF MODERN GERMAN COMICS**

The article deals with the peculiarities of realization of speech acts' basic types in the modern German-language comics, the percentage of different speech acts' types in the comics in various genres is analyzed and eventual reasons why some types of speech acts prevail over the others are identified.

Key words: theory of speech act, modern German-language comics, illocutionary act, *linguopragmatic analysis*, *linguopragmatics*.

Статья поступила в редакцию 8/IX/2015.

The article received 8/IX/2015.

---

* *Eykalis Yulia Arkadjevna*, (juliaey@mail.ru), Department of German Philology, Samara State University, 164, Potapova Street, Samara, 443011, Russian Federation.